

В диссертационный совет 77.2.001.01, созданный
на базе федерального
государственного казенного образовательного
учреждения высшего образования
«Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А. Я. Сухарева»,
125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12, ауд. 109.

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации П.А. Оленева «Процессуальный контроль в досудебном уголовном производстве: теоретические и прикладные аспекты» – Москва, 2026 – 318 с., представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Актуальность исследования объективно проявляет себя, как в избранном предмете научно-практического анализа, так и в круге тех непосредственных исследовательских задач, которые были точно поставлены и последовательно решены соискателем в рамках работы над диссертацией. Исследуя сущность нормативных новаций от 05.06.2007 (ФЗ № 87-ФЗ), 06.06.2007 (ФЗ № 90-ФЗ), 30.12.2015 (ФЗ № 440-ФЗ), призванных, с одной стороны, к дифференциации процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, и обеспечению, с другой стороны, процессуальной независимости непосредственно следователя, дознавателя, соискатель справедливо указывает на то, что оптимальности и баланса и в нормативном правовом регулировании, и в собственно практической следственной деятельности обеспечить не удалось. Во-первых, силу постоянного дублирования, несогласованности, лакун и противоречий внесенных нормативных новаций; во-вторых, в виду различных, нередко противоположных, суждений российской уголовно-процессуальной доктрины, не всегда точно отражающих суть и диалектику взаимодействия идей процессуальной независимости следственного органа и актуальности

действенного процессуального контроля за процессом, формой, результатами деятельности по установлению релевантно значимых обстоятельств уголовного дела. Столь же «неразрешимой» оказалась проблема должного соотношения функции прокурорского надзора за следственной деятельностью и функции эффективного процессуального контроля со стороны непосредственных руководителей следственных органов.

Каждый из этих моментов, не имея точного понимания и разрешения в национальной уголовно-процессуальной доктрине, законе и практике, однозначно, явил потребность в комплексном, системном анализе, который собственно и реализован в представленной к публичной защите диссертационной работе. П.А. Оленевым точно определены предмет, цели, непосредственные задачи научно-практического анализа, его методологическая основа, методы-средства исследования, что, в итоге, позволило обеспечить, как успешное достижение поставленных целей, так и разрешение в целом непосредственных исследовательских задач.

Научная новизна исследования и личный вклад соискателя в приращение нового научного знания объективированы в согласованной системе научно-обоснованных, теоретически и практически значимых, достаточно эмпирически верифицированных итоговых выводов:

- о сути, назначении, нормативных основах, оптимальной процессуальной форме реализации функции и института процессуального контроля осуществляемого в ходе досудебного уголовного судопроизводства России такими публичными субъектами процесса как руководитель следственного органа, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, (эвентуально) прокурор;
- о сущем и должном в процессуальном статусе указанных субъектов процесса при реализации ими функции текущего и (или) итогового процессуального контроля за деятельностью органов предварительного расследования на досудебном этапе; диалектике этого статуса с такими «субсидиарными» функциями как ведомственный контроль, управление

вверенным органом, функция надзора, непосредственно функция по установлению релевантно значимых обстоятельств уголовного дела;

- о критериях и основаниях дифференциации их процессуальных полномочий по осуществлению процессуального контроля, как в контексте (выше) указанных законодательных новаций, так и последующих новелл российского законодателя, призванных, с одной стороны, к обеспечению подлинно процессуальной независимости, самостоятельности следственного органа в рамках реализации его доминирующей исследовательской функции, так и к обеспечению, с другой стороны, своевременного, эффективного процессуального контроля за должным обеспечением прав и законных интересов заинтересованных лиц-участников процесса, интересов государства и общества;

- об актуальной потребности (для задач и целей процесса) в дифференцированном перераспределении процессуальных полномочий по осуществлению процессуального контроля среди таких субъектов процесса, как прокурор-руководитель следственного органа-следователь, с одной стороны; прокурор-начальник органа дознания-начальник подразделения дознания-дознатель, с другой; с однозначной акцентуацией при этом, во-первых, приоритета идеи процессуальной независимости и самостоятельности именно субъекта-исследователя и, во-вторых, исключения процедур постоянного дублирования однородных полномочий у каждого из субъектов контроля, формирующих, по факту, лишь бюрократическую «многоэтапность» процесса реализации исследуемой функции;

- об актуальности действенного нормативного «механизма» обжалования тех решений и указаний управомоченных субъектов процессуального контроля, которые и фактически, и по сути нивелируют процессуальную независимость, самостоятельность субъекта-исследователя, подавляют его внутреннее убеждение – как единственно легальную основу процессуальных решений и деятельности.

Как следствие, именно в контексте сути и содержания указанных положений и выводов, в том числе предложенных П.А. Оленевым к публичной защите, **теоретическая значимость диссертационного исследования**, прежде всего, заключается в углублении и существенном приращении нового, актуального научного знания:

о правовой природе, сущности, характере взаимодействия, назначении, субъектах осуществления процессуального контроля, реализуемого на досудебном этапе уголовного судопроизводства России;

об основных коллизиях, объективируемых в процессе взаимодействия непосредственно субъектов исследования фактов и обстоятельств уголовного дела и должностных лиц, призванных к текущему процессуальному контролю, как за процессом расследования и его результатами, так и за обеспечением, с одной стороны, интересов и прав всех заинтересованных лиц, с другой, реализации собственно назначения уголовного судопроизводства России – как отрасли государственной деятельности.

Значимо и то, что большинство из теоретических положений исследования, обоснованных в рамках работы, дают основание и предопределяют актуального направления дальнейшего научно-практического анализа, обозначенной соискателем проблематики.

Практическая значимость реализованного исследования состоит в прикладной ценности большинства полученных результатов, практических векторах сформированных итоговых выводов и разработанных предложений *de lege ferenda*. И, прежде всего, в качестве исходной основы для текущей нормотворческой деятельности в части совершенствования действующего уголовно-процессуального законодательства, регулирующего должный порядок следственной (исследовательской) деятельности.

Существенные результаты исследования оказались востребованными и в рамках практической судебно-следственной деятельности: в связи со значительными различиями в субъектах Российской Федерации содержания приказов в сфере учетно-регистрационной дисциплины, реализации

процессуального контроля, регламентации должного процессуального порядка продления по уголовному делу процессуальных сроков П.А. Оленевым инициативно разработаны унифицированные проекты приказов руководителя следственного управления (по этим моментам), которые нашли фактическое применение в следственном управлении СК России по Донецкой Народной Республике и Кировской области Российской Федерации. Дидактические результаты исследования (в виде весьма содержательных итоговых таблиц, графиков, обобщающих эмпирических данных) могут и должны быть использованы в деятельности образовательных учреждений, реализующих программы высшего юридического образования, повышения квалификации сотрудников судебных и следственных органов; органов прокуратуры и дознания.

Достоверность и эмпирическая верификация основных результатов исследования обеспечивается комплексным подходом соискателя к научно-практическому анализу объекта и предмета исследования; системным рассмотрением избранной проблематики на основе должной научно-познавательной методологии, достаточной совокупностью примененных научных методов; достаточным количеством изученных и проанализированных нормативных и доктринальных источников, максимально высокой эмпирической репрезентативностью исследования и полученных эмпирических данных, которые в достаточной мере и наглядно представлены, как непосредственно по тексту работы, так и в качестве актуальных (познавательных) приложений к диссертации.

Не вызывает сомнений и солидная **апробация результатов диссертационного исследования**, реализованная, как посредством достаточного количества научных публикаций автора, отражающих основные итоги реализованного исследования, так и представлением основных положений работы на весьма значимых, представительных научно-практических конференциях, в том числе международного и общероссийского уровня. Основные научные результаты исследования

внедрены в практическую деятельность следственных управлений СК России по Донецкой Народной Республике, Кировской области, в учебную деятельность ФГКОУ ВО «Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации», о чем имеются соответствующие акты. Промежуточные, и итоговые результаты неоднократно обсуждались и получили поддержку на заседаниях кафедры уголовного процесса ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева», широко используются в ее учебном процессе.

Структура диссертации обусловлена поставленной целью и избранными к решению непосредственными исследовательскими задачами; внутренне и телеологически согласована, не содержит явных противоречий применительно к объекту, предмету и основным результатам исследования.

Работа состоит из трех глав, которые включают в свое содержание десять параграфов. **Первая глава диссертации** посвящена анализу теоретико-методологических основ осуществления процессуального контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства России.

В первом параграфе «Дефиниция и сущность процессуального контроля в российском уголовно-процессуальном законодательстве» (с. 24–85), на основе анализа основных категорий исследования соискателем представлены: авторская дефиниция процессуального контроля, с акцентуацией его сущностных характеризующих признаков (с. 31); вывод о том, что процессуальный контроль является самостоятельной уголовно-процессуальной категорией, отличной от ведомственного контроля (с. 35–36); авторский анализ новаций, связанных с принятием Закона № 87-ФЗ и, соответственно, качественным изменением состояния законности применительно к такой форме расследования как дознание (с. 42).

Второй параграф главы первой работы посвящен генезису института процессуального контроля в российском уголовном процессе, который, согласимся, в своем становлении прошел путь от бессистемного, неорганизованного элемента до вполне организованной, законодательно-

закрепленной системы, включающий в себя различных субъектов, обладающих широкими контрольно-процессуальными полномочиями и состоящий из нескольких этапов (с. 48–70).

Интересно представлены в этом параграфе и (выявленные) соискателем причины принятия законодательных новелл, объективированных посредством Федерального закона № 87-ФЗ, среди которых особо акцентируется: 1) недопустимость осуществления функции прокурорского надзора и процессуального контроля в одном лице – прокурора; и 2) невозможность сочетания одновременно контроля за процессуальной деятельностью следователя и надзора за законностью производства следственных действий и принятия процессуальных решений (с. 60). Вместе с тем, ценность этих акцентуаций несколько нивелирована в контексте того, что и в авторской дефиниции (с. 13, 31), и неоднократно по тексту работы соискатель, как данность, фиксирует, что прокурор в настоящее время одновременно является и управомоченным субъектом надзора за следственной деятельностью и (ограниченно) действующим субъектом процессуального контроля (с. 31, 147–148, 155, 163, 166).

Содержательным и оправданным в контексте решаемых исследовательских задач видится и третий параграф первой главы, посвященный сравнительно-правовой характеристике института процессуального контроля в российском и зарубежном процессе (с. 71–85).

Вторая глава диссертации посвящена коллизионным проблемам реализации процессуального контроля в ходе расследования уголовного дела в форме предварительного следствия (с. 86–166). В первом параграфе исследуются проблемы реализации руководителем следственного органа полномочий по осуществлению процессуального контроля на стадии возбуждения уголовного дела. Среди основных проблем, связанных с точным установлением управомоченных субъектов процессуального контроля на этом этапе и обеспечением процессуальной самостоятельности, независимости следователя, соискатель выделяет:

ведомственное нормативное регулирование, по сути которого следователь, дознаватель фактически обязаны согласовывать свое решение о возбуждении уголовного дела через подписание карточки статистической отчетности формы № 1 у прокурора, без чего оно не может быть зарегистрировано (с. 88–89), что, разделим опасения автора, есть негативное средство воздействия на указанных лиц, императивная форма контроля;

наработанный ведомственный порядок, в соответствии с которым полномочиями по реализации процессуальных полномочий наделяются не только руководители следственного органа, но и подчиненные им руководители подразделений процессуального контроля (контрольно-следственные подразделения), а также отделов криминалистики (с. 94–95). Для нас интересно, что этот порядок не только не воспринимается соискателем как негативный, но и побуждает его к предложениям о нормативном его закреплении в п. 38.1 ст. 5 УПК РФ (с. 97, 128–129, 148–149). Указанное мы, субъективно, поддержать не можем, ибо эта новация, как представляется, существенно увеличивает число «управомоченных» субъектов и этапов контроля, против чего автор неоднократно и усилено возражает по тексту исследования, апеллируя, прежде всего, к процессуальной самостоятельности, независимости следователя (с. 148–149);

негативные тенденции практики, когда прокуроры, не имея легальных полномочий по даче указаний следователю о проведении конкретных проверочных мероприятий, своим постановлением об отмене процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела не только его отменяют, но и фактически обязывают следователя провести определенные следственные и иные процессуальные действия (с. 101). Эти выводы лишь отчасти разделяются нами, ибо, возможно, что данные указания прокурора: суть максимальная конкретизация выявленных этим субъектом нарушений закона, не более.

Второй параграф данной главы посвящен коллизиям процессуального контроля на этапах предварительного следствия и окончания уголовного дела

(с. 105–133). Большинство из высказанных в параграфе суждений, итоговых выводов и предложений оценены нами как продуктивные и в целом воспринимаются как новое, актуальное научное знание. Среди последних, к примеру, доводы соискателя о том, что к полномочиям руководителя следственного органа вполне отнесено (должно быть отнесено):

право на отмену решения, как руководителя другого территориального следственного отдела, так и руководителя следственного органа другого государственного органа (с. 109), но не вышестоящего (правда, при условии, что дело на данный момент находится в производстве этого органа – Н.К.);

право участвовать в судебном заседании по нормам ст. 165 УПК РФ, наряду с прокурором, следователем, иными участниками (с. 113);

право самостоятельно формировать доказательства по делу, что, соответственно, требует изменения норм ч. 1 ст. 86 УПК РФ (с. 108, 116); правда, добавим, лишь при принятии дела к своему производству;

право признать доказательство недопустимым для процесса доказывания, что, согласимся, требует содержательного изменения норм части 2 и 3 ст. 88 УПК РФ (с. 108, 116);

право по даче согласия следователю на обжалование любых указаний прокурора по вопросам следственной деятельности, что так же требует соответствующих (системных) изменений в ст. 38 и 39 УПК РФ (с. 125);

право поручать следователю проверку сообщения о преступлении, принятие по нему решения в порядке, установленном ст. 145 УПК РФ. Проверять материалы проверки сообщения о преступлении или материалы уголовного дела, отменять незаконные или необоснованные постановления следователя, что требует изменений в ч. 2 ст. 39 УПК РФ (с. 129–130); и т. п.

Другие положения этого параграфа, напротив, в принципе не воспринимаются нами и, требуя пояснений, включены в перечень замечаний, подлежащих дискуссии и актуальному обсуждению в рамках защиты.

Третий параграф главы второй диссертации посвящен соотношению процессуальных полномочий руководителя следственного органа и

прокурора по осуществлению процессуального контроля в ходе расследования уголовного дела в форме предварительного следствия (с. 133–153). По сути, именно в этом параграфе обоснованы суждения и итоговые предложения соискателя по «перераспределению» полномочий, связанных с процессуальным контролем между прокурором и руководителем следственного органа, при этом в большинстве своем в пользу последнего. Именно в указанном контексте П.А. Оленев негативно оценивает:

письменные указания прокурора о производстве отдельных следственных, процессуальных действий, высказанные в том или ином постановлении прокурора (с. 142), ибо подобное, по его мнению, в принципе не согласуется с процессуальной независимостью следователя. При этом отметим, не поясняется, насколько данные указания прокурора связаны с сутью тех нарушений закона, которые выявлены этим субъектом и являются, по сути, содержательной конкретизацией последних;

эти же оценки высказаны соискателем по поводу указаний прокурора, изложенных в его постановлении о возвращении уголовного дела поступившего с обвинительным заключением в следственный орган по основаниям пункта 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ. Причем с теми же нарративами о фактическом процессуальном руководстве следствием, а не о выполнении прокурором функции собственно надзора (с. 147–148);

кроме того, сам факт наличия правомочия прокурора по утверждению обвинительного заключения оценивается соискателем как элемент (недопустимого) воздействия на следователя. В итоге, в том числе на основе эмпирических данных, обосновывается вывод-предложение о том, что право утверждения этого институционального акта должно принадлежать исключительно руководителю следственного органа (с. 149–150);

на тех же концептах обосновано предложение соискателя: предоставить следователю или руководителю следственного органа право обжаловать судебное решение о возвращении дела в следственный орган по

нормам статьи 237 УПК РФ, так как отсутствие этого права нивелирует возможности указанных лиц к отстаиванию своей позиции (с. 151).

Наше (несколько иное) отношение к этим «интересным» подходам высказано в разделе замечаний к работе.

В четвертом параграфе данной главы исследуется соотношение процессуальной самостоятельности независимости следователя и процессуальных полномочий руководителя следственного органа (с. 153–166). Соискатель достаточно обосновывает, что:

наличие широких процессуальных полномочий РСО в отличие от правомочий прокурора, не только не повлияло на процессуальную самостоятельность следователя, а наоборот обеспечивает проведение всестороннего, полного и объективного расследования по делу (с. 156–157);

существенным аспектом влияния на процессуальную самостоятельность следователя и руководителя следственного органа выступает отсутствие права на обжалование судебных решений, принимаемых в порядке ст. 108, 125, 165 УПК РФ (с. 158, 162); как следствие, это право должно быть закреплено за указанными субъектами;

следует предоставить руководителю следственного органа право непосредственного участия в следственных действиях, реализуемых следователем, ибо указанное, как акцентирует соискатель, не запрещено действующим процессуальным законом. Кроме того, эти новации никак не ограничивают процессуальную самостоятельность следователя, а призваны методически и технически оказать помощь следователю (с. 162–163);

императивное право прокурора на определение подследственности, однозначно, нарушает единство процессуального статуса следователя и его независимость; как следствие, его следует модернизировать (с. 163–166); что нами в целом поддержано.

Третья глава работы посвящена проблемам процессуального контроля в ходе расследования в форме дознания (с. 167–218), в рамках которой П.А. Оленев последовательно определяется: в реализации

начальником подразделения дознания и начальником органа дознания полномочий по осуществлению процессуального контроля (§ 1), соотношении процессуальных полномочий дознавателя, начальника подразделения дознания и начальника органа дознания (§ 2), соотношении уголовно-процессуальных институтов процессуального контроля и прокурорского надзора в рамках дознания (§ 3). В итоге, соискателем сформирована система итоговых суждений и выводов относительно:

актуальности дифференцированного выделения полномочий начальника органа дознания на их отдельные группы (с. 168), с обоснованием в дальнейшем конкретных предложений по их расширению или делегированию, отдельных из них, иным управомоченным субъектам процессуального контроля (с. 177–180);

недостаточности полномочий начальника подразделения дознания по осуществлению процессуального контроля за деятельностью дознавателя (с. 181), с акцентуацией, в итоге, авторской классификации должных (востребованных) полномочий указанного субъекта (с. 184–185, 188);

оптимизации перечня полномочий по осуществлению процессуального контроля такого субъекта процесса как орган дознания и начальник органа дознания, с обоснованием в дальнейшем актуальности перераспределения отдельных полномочий применительно к должностному статусу начальника подразделения дознания, в связи с чем соискателем предложена новая редакция ст. 40.1 УПК РФ (с. 198–200) и ст. 40.2 УПК РФ – в части оптимизации статуса начальника органа дознания (с. 201–202), а также собственно дознавателя (с. 206–207);

нерациональности расследования следователями СК России отдельной категории уголовных дел в форме дознания (п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ), в связи с чем обоснованы предложения об исключении этой формы расследования из ст. 151 УПК РФ, как коллизионной (с. 208, 212);

наделения правом обжалования решений прокурора и дознавателя, и начальника органа дознания, и начальника подразделения дознания, ибо

указанные решения существенно затрагивают права и законные интересы этих участников уголовного судопроизводства России (с. 221–222);

передачи начальнику подразделения дознания полномочий по согласованию решений дознавателя о прекращении уголовного дела по основаниям ст. 24–28.1 УПК РФ (с. 222); продления процессуальных сроков на производство дознания (с. 223); согласованию ходатайств дознавателя о принятии судебного решения по уголовному делу (избрание меры пресечения, проведение отдельных следственных действий (с. 223);

нецелесообразности чрезмерно широкого круга полномочий прокурора по нормам ст. 226 и 226.8 УПК РФ, ибо, в сравнении со ст. 221 УПК РФ, это существенно ограничивает (ущемляет) процессуальную самостоятельность дознавателя (с. 225–229).

В итоге, именно система указанных взаимосвязанных положений позволяет сформулировать итоговый вывод, как о достаточно высокой оценке выполненной соискателем работы, так и о ее соответствии требованиям актуальности, самостоятельности, научной новизны, высокой теоретической и практической значимости реализованного исследования. Вместе с тем, как и всякое новое, интересное, монографическое правовое исследование работа П.А. Оленева вызывает ряд проблемных вопросов, которые мы считаем возможным поставить на разрешение соискателя и обсуждение в рамках публичной дискуссии на защите:

1. Прежде всего, выскажем сомнения в операциональности авторского определения (дефиниции) сути, содержания, субъектов реализации процессуального контроля на досудебном этапе процесса (с. 13, 31 работы).

Суть наших сомнений сводится к тому, что за рамками внимания соискателя оказались такие управомоченные субъекты процесса, как руководитель следственной группы и руководитель группы дознавателей (ст. 163 и 223.2 УПК РФ); особенно, в контексте анализа их полномочий, установленных, соответственно, чч. 3 и 4 ст. 163 УПК РФ и ч. 4 ст. 223.2 УПК РФ. Между тем, и первый, и второй субъект, реализуя возложенные на

них властные полномочия, призваны к непосредственному взаимодействию со следователями или дознавателями, включенными в группу, причем по достаточно институциональным вопросам производства по делу. Насколько эти полномочия названных лиц ограничивают процессуальную самостоятельность следователя, дознавателя; насколько оптимально они соотносятся с правами и полномочиями иных субъектов процессуального контроля, осталось за рамками исследования. Между тем, полагаем, есть весомые основания утверждать, что с учетом этого фактора отдельные из итоговых авторских утверждений, предложений и выводов могут и должны быть существенно скорректированы.

2. Выскажем возражения и в части (не воспринятых нами) предложений диссертанта о востребованной актуальности нивелирования полномочий прокурора, в части:

его письменных указаний о производстве отдельных следственных, процессуальных действий, изложенных в постановлении о возвращении уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, в следственный орган по основаниям п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, ибо сам факт этих указаний оценен как элемент посягательства на процессуальную независимость и самостоятельность следователя (с. 147–148);

отрицания целесообразности в полномочии прокурора по утверждению обвинительного заключения, которое однозначно оценивается соискателем как элемент недопустимого воздействия на следователя. В силу чего сформировано предложение в порядке *de lege ferenda* о том, что право утверждения этого институционального акта должно принадлежать исключительно руководителю следственного органа (с. 149–150, 151);

предложений соискателя предоставить следователю или руководителю следственного органа право самостоятельно обжаловать судебное решение о возвращении дела в следственный орган по нормам ст. 237 УПК РФ, так как отсутствие подобного права нивелирует их возможности к отстаиванию своей позиции (с. 151).

По сути, в том же однозначном контексте обоснованы предложения соискателя о нивелировании полномочий прокурора, предусмотренных нормами ст. 226 и 226.8 УПК РФ, где П.А. Оленев обосновывает новации:

о лишении прокурора права на прекращение уголовного дела на данном этапе по основаниям, предусмотренным ст. 24–28.1 УПК РФ, т. к. данным решением полностью ущемляется самостоятельность дознавателя и прокурор, по сути, препятствует волеизъявлению дознавателя (с. 225);

о запрете прокурору направлять уголовное дело (с указанного этапа – *Н.К.*) для производства предварительного следствия, что, по мнению соискателя видится несвоевременным, поскольку указанным полномочием прокурор должен пользоваться своевременно (на стадии предварительного расследования), но никак не после принятия окончательного решения по делу дознавателем (с. 225); и т. п.

На наш взгляд, при обосновании данных «новаций» соискатель не совсем разобрался в роли и назначении прокурора в уголовном судопроизводстве России, как в стадии предварительного расследования, так и на этапе деятельности и принятия решений по нормам ст. 221, 226, 226.8 УПК РФ. Начнем, с последнего: соискатель, как представляется, упускает, что на этапе действий и решений прокурора по делу поступившему с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением; гл. 31, ст. 226, 226.8 УПК РФ), предварительное расследование уже окончено; дело уже находится не в производстве у следственного органа, а у прокурора, единолично решающего вопрос о наличии оснований для утверждения обвинительного заключения (акта) – как публичного уголовного притязания-иска к суду о разрешении основного вопроса уголовного дела, право формирования которого принадлежит исключительно обвинительной власти. В итоге, данный этап, это не заключительная и не иная часть стадии предварительного расследования (где приоритетно действует принцип процессуальной независимости следственных органов) – это самостоятельная стадия процесса, суть которой

в формировании государственного обвинения-иска. Как следствие, процессуальная самостоятельность, независимость следственного органа на этом процессуальном этапе (стадии!) полностью исчерпана; прокурор единственно властный субъект принятия решений и осуществления деятельности. Поэтому, возвращая уголовное дело следователю по основаниям п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, формируя в постановлении указания об устранении выявленных нарушений закона (в том числе, посредством реализации дополнительных следственных и процессуальных действий), прокурор никого не «ущемляет», «не ограничивает», «...не препятствует волеизъявлению»; он властно исполняет свое назначение на данном этапе процесса. И именно в этом (уточняющем, конкретизирующем) контексте должны восприниматься и оцениваться письменные указания данного субъекта процесса по поводу выявленных нарушений закона и, возможных, средств их устранения, в том числе с использованием процедур, предусмотренных ч. 4 ст. 221 УПК РФ.

Соискатель предлагает лишить прокурора правомочия на утверждение обвинительного заключения (акта), адресовать это право руководителю следственного органа. По факту, это «далекий» аналог французской модели распоряжения обвинением, правда, в ее российской транскрипции. Избирательное ее применение, без актуального изменения в целом строя процесса, точного определения должных субъектов и процедур распоряжением обвинением, изначально обречено на провал, ибо действующий УПК РФ в принципе не приспособлен к модели, где судьбу обвинения и движения дела решает именно орган следственной (исследовательской) власти, а прокурор вынужден поддерживать обвинение, которое он не оценивал, не утверждал, не формировал своего убеждения в части его итоговой формулы. В итоге, закономерно возникает вопрос вообще о востребованности прокурора в подобном процессе, его роли и назначении.

Полагаем, в том же контексте должны быть оценены запреты и новации соискателя, связанные с более широкими властными полномочиями

прокурора по делу, расследованному в форме дознания (ст. 226, 226.8 УПК РФ). Форме, где прокурор, по букве закона, полномочный субъект реализации и функции уголовного преследования, и функции надзора (ч. 1 ст. 37 УПК РФ). Можно, конечно все изменить и в этих моментах, но это уже тема и предмет совсем иной диссертации, иного процесса.

3. Вызывает вопросы и актуальное предложение автора о «механическом» перераспределении процессуальных полномочий от органа дознания, начальника органа дознания в «пользу» непосредственного процессуального руководителя расследования в форме дознания – начальника подразделения дознания. По идее, предложение весьма продуктивно, ибо начальник органа дознания, во-первых, в рамках административно-служебной деятельности реализует целый комплекс иных, не следственных, полномочий. Во-вторых, он дополнительно «перегружен» полномочиями собственно процессуального характера, зачастую не являясь специалистом в этих вопросах.

Тем не менее, в рамках указанного «перераспределения» соискателю следовало принять во внимание, что специализированные подразделения дознания созданы не во всех государственных органах, призванных к реализации формы расследования – дознание; соответственно, нет в данных подразделениях и субъекта контроля – начальника подразделения дознания (ст. 40.1 УПК РФ). В итоге, «перевод» полномочий начальника органа дознания надо осуществлять более скрупулезно, «хирургически» точно, чтобы этот субъект не остался в принципе без полномочий процессуального характера в органе, где нет специализированных подразделений дознания, а дознаватель – без субъекта контроля и согласования основных процессуальных решений.

4. Не совсем, на наш взгляд, разобрался П.А. Оленев и в соотношении таких категорий (и полномочий), как «вышестоящий руководитель следственного органа» и «руководитель вышестоящего следственного органа». Примером тому следующие суждения соискателя:

«...Проблемным также выступает положение о том, что законодатель не определяет какими конкретными полномочиями обладает **вышестоящий руководитель следственного органа** по результатам рассмотрения жалобы следователя на указания нижестоящего руководителя следственного органа. В этой части видится возможным предоставить **вышестоящему руководителю следственного органа** отменять по своей инициативе незаконные и необоснованные указания нижестоящего руководителя полностью или в какой-либо его части» (с. 112 работы);

«...чтобы не продлевать срок предварительного следствия в установленном порядке, некоторые руководители следственных органов возвращают уголовное дело следователю со своими указаниями о производстве дополнительного следствия, после чего устанавливается дополнительный срок следствия один месяц или же расследование уголовного дела приостанавливается по формальным основаниям, а затем возобновляется и также устанавливается срок предварительного расследования один месяц. Указанные факты при осуществлении процессуальной деятельности руководителя следственного органа недопустимы и должны пресекаться **вышестоящим руководителем следственного органа**» (с. 118 работы);

«...в настоящее время уголовно-процессуальный закон не содержит требования о получении согласия **вышестоящего руководителя следственного органа** (руководителя следственного управления) при обжаловании решений прокурора района прокурору субъекта Российской Федерации, однако на практике данное согласие следователи СК России получали у руководителя следственного управления...» (с. 126 работы).

В каждом указанном случае, речь, на наш взгляд, идет именно о «руководителе вышестоящего следственного органа», так как, если следовать пониманию соискателя, решения и ошибки заместителя руководителя следственного органа призван исправлять непосредственно руководитель этого же следственного органа. Между тем по букве пункта 38.1 ст. 5 УПК

РФ эти субъекты обладают одинаковым процессуальным статусом – руководителя следственного органа, и к настоящему времени национальная доктрина и законодатель вполне определились в этих моментах.

5. Учитывая высокий, монографический характер работы, большей аккуратности требуют также утверждения автора в части того, что:

- к защите предлагается «...авторское определение **института** процессуального контроля» (с. 13, 31 работы), ибо категория «института» и собственно «сути» процессуального контроля в принципе не тождественны; на с. 47 работы автор более точно определился в этом моменте;

- сущностное назначение процессуального контроля в уголовном судопроизводстве России заключается исключительно в приоритетном обеспечении интересов, конституционных прав и свобод человека и гражданина (с. 13-14); укажем, при этом совершенно забыто про не менее актуальное обеспечение интересов собственно государства и общества;

- «...В настоящее время указанный спор между СК России и Прокуратурой Российской Федерации не разрешен» (с. 138 работы); официальное название органа высшего прокурорского ведомства, как известно, Генеральная прокуратура Российской Федерации;

- «...По сути, позицию соискателя отрицает и точка зрения известных ученых-процессуалистов А.П. Кругликова, И.С. Дикарева, Е.А. Зайцева...(с. 194 работы); судя по инициалам последнего автора, речь все же идет о профессоре Елене Александровне Зайцевой (г. Волгоград).

Высказанные замечания, как представляется, носят оценочный, дискуссионный характер и не умаляют той достаточно высокой оценки, которая была акцентирована нами при характеристике содержательной и структурной части диссертационной работы, особенно, в части теоретической значимости большинства ее итоговых положений, научной новизны и актуальности большинства положений к защите.

Автореферат диссертации и опубликованные результаты исследования точно и достаточно полно соответствуют основному ее содержанию. Текст

работы и автореферата изложен достаточно хорошим литературным стилем, не содержит внутренних противоречий; как следствие, понятен и легко воспринимаем. П.А. Оленев верно и точно использует основные научные термины и категориальные понятия исследуемого предмета, свободно и верно ориентируется в проблемах и коллизионных моментах, избранных к анализу правовых отношений.

Как следствие, в научно-квалификационной работе П.А. Оленева в достаточной мере представлены новые, теоретически аргументированные и достаточно эмпирически верифицированные положения и итоговые результаты, имеющие важное значение, как для науки российского уголовно-процессуального права, так и для непосредственно текущей судебной следственной практики. Система разработанных положений вносит достаточный вклад в более полное и точное понимание сути, нормативных основ, оптимальных форм реализации в национальном уголовном процессе такого институционального правового явления, как должный и эффективный процессуальный контроль за процессуальной деятельностью и законностью и обоснованностью основных процессуальных решений по делу таких субъектов процесса, как следователь, дознаватель, орган дознания.

Вывод: диссертация Оленева Павла Андреевича «Процессуальный контроль в досудебном уголовном производстве: теоретические и прикладные аспекты», представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки, является инициативной научно-квалификационной работой, в которой на основании самостоятельно выполненных соискателем научных исследований разработаны новые, значимые теоретические положения, систему которых можно квалифицировать как достаточный научный вклад в приращение нового научного знания в области российской уголовно-процессуальной науки. Диссертация соискателя в полной мере соответствует оценочным критериям, которым должны отвечать диссертационные исследования на соискание ученой степени кандидата юридических наук,

установленным пунктами 9-14 Положения о присуждении научных степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в ред.16 октября 2024 г.). В итоге, автор диссертационного исследования – Оленев Павел Андреевич – заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Официальный оппонент:

доктор юридических наук, профессор,
ФГКОУ ВО «Волгоградская академия
Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
профессор кафедры предварительного расследования
учебно-научного комплекса по предварительному
следствию в органах внутренних дел
«18» июня 2026 г.

Н.Н. Ковтун

Подпись Ковтун Н.Н.
УДОСТОВЕРЯЮ
ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ОДНР В.В.
Вручение Т.В.

Сведения об официальном оппоненте:

Фамилия, имя, отчество: Ковтун Николай Николаевич;

Ученая степень, ученое звание: доктор юридических наук, профессор (ученое звание присвоено по кафедре уголовного процесса);

Научная специальность: 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность

Место основной работы: ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»;

Занимаемая должность: профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел;

Адрес места работы (места жительства): 603163, г. Нижний Новгород, ул. Хохлова Александра, д. 5, кв. 30.

Электронная почта: kovtunnov@mail.ru

Контактный телефон: +79056618573